

СПЕЦНАЗ ВСЕГДА СПЕЦНАЗ

ПРОРЫВ ДИВЕРСАНТА

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Юрий Григорьевич Корчевский Спецназ всегда Спецназ.

Прорыв диверсанта

Серия «Диверсант», книга 1

Серия «Попаданчество»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10331754

Юрий Корчевский. Спецназ всегда Спецназ. Прорыв диверсанта: Якуза,

Эксмо;

ISBN 978-5-222-39660-5

Аннотация

Спецназ всегда Спецназ – и в XXI веке, и в 1941 году. Попад на Великую Отечественную, наш современник «вспоминает молодость» и бывшую службу в Спецназе ГРУ, принимает бой против Вермахта и объявляет оккупантам диверсионную войну. Ему предстоит пускать под откос вражеские эшелоны и взрывать склады с боеприпасами, жечь танки и бронепоезда, прорываться из окружений и стоять насмерть под Смоленском. Ведь диверсанты бывшими не бывают! А его война еще только начинается...

Содержание

Глава 1. Шок

4

Конец ознакомительного фрагмента.

25

Юрий Корчевский

Спецназ всегда Спецназ.

Прорыв диверсанта

Глава 1. Шок

Парень не понравился Александру сразу. Черная куртка, черная вязаная шапочка на голове, глаза карие, и зрачки расширены, как у наркоманов. В руке сумка китайская, какие раньше челноки таскали. Однако в принципе – что с того, понравился парень ему или нет? Кого только в аэропорту не встретишь – от кавказцев до причудливо одетых индийцев. И что с того? Может, я им тоже не нравлюсь своей славянской внешностью. Однако какое-то смутное беспокойство, легкая тревога в душе поселились.

Александр посмотрел на часы. Уже скоро. Сейчас 16–20, самолет из Екатеринбурга должен приземлиться через пять минут.

И почти сразу по громкой связи диктор объявила: «Совершил посадку самолет «Ту-154» рейсом 268 из Екатеринбурга. Просим встречающих...»

Дальше Александр уже не слушал, начал не спеша продвигаться в зал прилета. А чего спешить? Пока трап подадут,

пока пассажиры выйдут, счастливые оттого, что перелет позади и они на земле, да пока багаж получают. Если у Антона сумка небольшая, так появится быстро.

Антон – его старый, еще с армии – друг. Вместе ляжку в учебке тянули, где, собственно, и познакомились. Потом двухгодичная служба сержантом в 22-й бригаде спецназа ГРУ в Батайске. Если кто не знает, ГРУ – это Главное разведывательное управление Генштаба. Создано оно было для ведения разведки и уничтожения мобильных ядерных средств противника в его глубоком тылу, а также проведения диверсий и организации партизанского движения. Разумеется, в случае войны.

Поначалу без привычки служить было тяжело. И не из-за дедовщины пресловутой, а из-за физических перегрузок. Попробуй выполнить учебную задачу, пройдя перед этим марш-бросок километров на сорок с полной выкладкой да скрытно, за чем рьяно следили офицеры-посредники. Обнаружили себя, считай – задание провалили. Потому передвигались больше по звериным тропам, да еще так, чтобы веточку какую случайно не сломать, травку не помять. При этом шли строго след в след, и не столько из-за примятой травы, сколько из-за того, что если первый мину не усмотрит, подорвутся не все. Да и следов меньше остается. Поди разбери, один человек прошел или несколько.

Антон был парнем физически крепким, выручал Александра. То скатку его заберет – пусть и ненадолго, то разгруз-

ку. Но и Антону с Александром интересно было: тот знал уйму разных историй и помогал сочинять письма любимой девушке Антона. Молчун был Антон: «да» и «нет» — и весь разговор. И писал коряво — буквы неровные, как пьяные. Уж сколько лет после армии прошло... Александр прикинул. «Так, сейчас мне тридцать шесть, демобилизовался я в двадцать. Выходит, дружбе нашей уже восемнадцать лет».

Встречаются они иногда, раз в два-три года. По этому поводу Александр отгулы берет, знакомит Антошку со столицей. Много в Москве интересных мест, все сразу и не покажешь. Вот Исторический музей недавно открылся — после затяжного ремонта, да Антон просил сводить его в Сокольники, в музей восковых фигур. А уж вечером — непременно водочки, да чтобы из морозилки была, лилась тягуче, а бутылка чтобы морозцем по стеклу подернута. И закуска: чтобы обязательно огурчики домашней солки, что Александр брал на Дорогомиловском рынке, да грибочки маринованные, лучше грузди, да под черный хлебушек. Вкуснотища! А потом — картошечку, жаренную с салцем. Сало Саша покупал на Киевском вокзале, у приезжих украинцев. Надо же! Раньше самостийные братья-славяне кричали на каждом углу — дескать, объели их москвичи! А теперь сало свое сами в Москву везут, добровольно. Чудны дела Твои, Господи!

В предвкушении встречи с другом и последующего застолья Саша потер руки. На глаза снова попался давешний кавказец в черном. Тьфу, чтоб тебе! Как черный ворон! Алек-

сандр вытянул шею, пытаясь через головы встречающих увидеть Антона.

Сзади кто-то дернул за руку.

– Земляк, едем в Москву! Недорого, всего три штуки, – предложил нагловатый таксист, крутя на пальце связку автомобильных ключей.

Ответить Александр не успел. За спиной таксиста сверкнула яркая вспышка, в уши ударил тяжкий грохот. Со звоном посыпались стекла, раздались крики ужаса. «Кавказец!» – мелькнуло в затухающем сознании, и Александр отключился.

Как ему показалось, в себя он пришел довольно быстро. Вот только непонятно было, где он и почему так светло.

Саша поднял голову и изумился: он лежал на берегу маленькой речки и, что удивительно, было лето. Журчала вода, трава зеленела и одуряюще пахла, над ней летали шмели. Было тепло, даже жарко.

Что за черт! Александр хорошо помнил взрыв в аэропорту и то, как его прикрыл от осколков таксист, принявший на себя порцию смертоносного металла. Но ведь тогда был январь, холодно.

Александр поднялся, сел и оглядел себя. Вся левая сторона куртки была посечена, в прорехах белел синтетический наполнитель. Сняв куртку, он критически ее осмотрел. Ну и досталось ей, пожалуй, бомжи носят лучше. А ведь почти новая.

Александр пошарил по карманам, забрал сотовый телефон и ключи от квартиры, куртку же оставил на берегу. Он нахмурил лоб, соображая, что произошло. По идее, он должен сейчас быть в аэропорту Домодедово и лежать на бетонном полу, а не на берегу речки.

И что еще удивляло – почему лето? И как он сюда попал? Ушел в шоке после взрыва? Могло такое быть. Но лето? Не полгода же он сюда шел?

Для начала надо позвонить Антону – он ведь его встречал.

Достав телефон, Александр набрал привычный номер. Но телефон показывал «поиск сети» и на вызовы абонентов не реагировал. Ладно, с этим позже можно разобраться. А сейчас надо выйти к людям, узнать – где он.

Александр стал внимательно осматривать окружающую местность. Вдали, едва различимые на фоне леса, стояли несколько домов. Туда он и направился. Шел быстро, дышал размеренно, как и учили в спецназе.

Вот и дома. Александр испытал легкое разочарование: к бревенчатым избам вели деревянные столбы с электрическими проводами, а телефонного видно не было. А он так надеялся позвонить!

Александр постучался в дверь бревенчатого дома.

На стук вышла вполне ничего себе девушка лет восемнадцати, как раз во вкусе Александра: не худая, не толстая, есть на чем глаз остановить.

Саша спросил:

– Девушка, я заблудился немного, не подскажите – что это за деревня?

– Так Богдановка же!

Минуту Александр переваривал услышанное. Что-то он не припомнит такое название населенного пункта близ Москвы либо в Подмосковье, хотя коренной москвич. А впрочем, чего удивляться? После армии он устроился в метро, закончил курсы, работал помощником машиниста, потом – машинистом и больше времени проводил под землей, чем на ней. А за город выбирался всего несколько раз с друзьями на дачу: шашлыки пожарить, пива попить.

– Не соображу что-то, где это – вы уж меня простите, пожалуйста... А район какой?

– Пинский.

– Вы хотите сказать, что я в Белоруссии?

– Да, именно так.

Похоже, девица не шутила, да и говор у нее странный – не акающий, как у москвичей.

Первое, что пришло ему на ум – Пинские болота. Откуда, из каких уголков памяти он вытащил эту ассоциацию?

– И болота у вас здесь есть? – уточнил он.

– Полно вокруг, – первый раз за все время разговора улыбнулась девушка, – но не только болота. Речки еще есть, озера.

– А какое сегодня число?

– Первое июля, десятый день войны, – снова посерьезнела девушка, не спуская с незнакомого парня ставшего вдруг

подозрительным взглядом.

Наверное, его после взрыва все-таки контузило. Девушка о войне говорит, он сам понять не может, куда его занесло.

– Месяц, год какой вы говорите? – переспросил изумленный Александр.

Тут уж девушка удивилась:

– Я и говорю – первое июля тысяча девятьсот сорок первого года.

– Правда?!

Внезапно Александр услышал странный незнакомый гул, идущий откуда-то сверху. Гул был натужным, и ничего хорошего живущим на земле не обещал. Он предупреждал: «Везу-у, везу-у-у...»

Александр поднял голову и увидел идущие ровным строем звенья тяжелогруженных самолетов, по-видимому, бомбардировщиков, сопровождаемых юркими истребителями.

Олеся проследила за его взглядом и тоже увидела самолеты:

– Опять летят!

– Кто «летят»?

– Да самолеты ж фашистские! Города русские бомбить полетели. А наших самолетов что-то не видно! Кто же остановит эту черную силу? – с горечью в голосе проговорила она.

И это заставило Александра поверить в страшную, неправдоподобную, но реальность. Шок и столбняк! Так сильно его никто в жизни не удивлял.

– Вы не контужены, товарищ? – участливо поинтересовалась девушка.

– Был взрыв, куртку посекло, а на мне – ни царапинки, – честно ответил он.

– А, понятно! Вот вы все и забыли. Сами-то откуда будете?

– Из Москвы.

– Из самой столицы? И Сталина видели?

– Нет, только на фотографиях.

– Да что же мы в дверях стоим, вы же, наверное, есть хотите? Проходите в избу!

Александр прошел в комнату. Обстановка бедноватая: кровать с панцирной сеткой и никелированными шишечками, домашний коврик на полу, и уж совсем древний круглый репродуктор в углу.

Вошла девушка, неся крынку молока и каравай хлеба.

– Вы уж извиняйте, товарищ москвич, разносолов у меня нет – чем богата...

Она налила в кружку молока, отрезала ломоть хлеба.

Особо есть Александр не хотел, но, учитывая обстоятельства, решил подхарчиться – еще неизвестно, когда придется поесть в следующий раз.

Молоко оказалось очень вкусным: густым, с толстым слоем сливок сверху, да и хлеб отличный – с хрустящей корочкой.

Александр выпил всю крынку, умял половину каравая; смахнув крошки со стола в ладонь, закинул в рот.

– А что сейчас в мире творится, где фронт?

– Отступают наши, по всем фронтам отступают. Говорят

– немцы Борисов взяли и Бобруйск.

– Это далеко отсюда?

– Двести километров в сторону Москвы. Мы в немецком тылу уже.

– Немцы здесь были?

– Чего им тут, в болотах, делать? Они по дорогам прут. Я их не видела даже.

– Даст бог – и не увидишь.

– Я комсомолка и в Бога не верю.

– А зря! Только в него и можно верить, остальные врут.

Девушка обиженно поджала губы.

– Ну а власть у вас в районе какая-нибудь есть?

– Не знаю. Отца в армию неделю назад забрали, про Пинск не слышала ничего.

Александр сидел в полной растерянности. Ладно бы контузия была, а то ведь – сорок первый год! А может, девушка ненормальная, а он ей поверил...

– Радио работает?

– Нет, конечно, – вздохнула девушка.

Надо пойти к соседям, у них узнать.

Александр встал, поблагодарил девушку за угощение.

– Как тебя звать, красавица?

Щеки девушки вспыхнули румянцем – так в деревне ее никто не называл.

– Олеся.

– В деревне живет еще кто-нибудь?

– Одни старики и старухи остались. Из молодежи до войны одна я была. А мужиков в армию призывали. Вы-то почему не в армии? Или больной?

– Ага, больной, – отшутился Саша.

– А с виду – так и не скажешь, – покачала головой Олеся.

– Подскажи-ка, Олеся, в какую сторону шоссе?

– А вам какое? Если на север, то будет Минское, до него часа три пешком. Если на юг, так Пинское будет, до него поближе – часа два идти. И железная дорога там же.

Александр снова уселся и задумался. Если все услышанное от девушки – правда, то надо обдумать ситуацию. Идти к своим, прорываясь через линию фронта? Далековато, а главное – если и выйдет, так документов нет, назвать адрес и место работы не может. Ведь НКВД проверять будет, а в отделе кадров метрополитена гражданин Дементьев Александр, тридцати шести лет, москвич, не судимый, беспартийный – не значится. Стало быть – шпион! И по законам военного времени его – к стенке! Александр передернул плечами, представив такую перспективу.

Еще вариант – отсидеться здесь, в этой Богдановке. Но рано или поздно сюда заявятся немцы. Кто такой? Почему здорового мужика в армию не взяли? А может – партизанить оставили? Перспектива незавидная.

А впрочем... Его в мирное время готовили к разведыва-

тельно-диверсионной деятельности во вражеских тылах – на случай войны. Сейчас война, и тыл самый что ни на есть вражеский. Он хоть и не призван, но, попав в непредвиденную ситуацию, должен действовать по совести, по велению души и в соответствии с его представлением о воинской чести. Враг топчет его землю, убивает его соотечественников, значит – и поступать ему надо соответственно.

Правда, спецназ действует по заданию разведупра. Рейды короткие: выброска в тыл врага, проведение акций и возвращение к своим. Сейчас же у него рации нет, начальства и задания нет – даже оружия нет. Но это еще не повод сидеть сложа руки. И Богдановка эта как база хороша. Местность глухая, лесистая, с болотами, по обеим сторонам в отдалении – шоссейная и железная дороги. Тяжелая техника здесь не пройдет, а самому спрятаться можно запросто. Вот только загвоздка остается – как легализоваться. Он сейчас не в рейде, сколько времени пробудет – неизвестно, надо же где-то есть, мыться, в конце концов, чтобы не отличаться от людей.

Александр посмотрел на Олесю, спокойно занимавшуюся домашними делами.

– Вот что, Олеся. Можно я у тебя какое-то время поквартирую? Только вот платить мне нечем, могу лишь натуральной оплатой: забор там поправить, травы для коровы накопить, дров наколоть. Мужик-то в хозяйстве всегда надобен.

На некоторое время повисла тишина. Было видно, что девушка удивлена. Она думала – беженец, да еще без памяти,

контуженый, а он пожить просится. На бандита вроде не похож, хотя сама она их никогда не видела. Места в избе хватает, но... деревенским только повод дай для пересудов.

– Ну хорошо, – неуверенно ответила Олеся. – Однако спать вы будете не в избе, а на сеновале, на заднем дворе. И чур только – не курить.

– Я вообще не курю.

– Тогда договорились. Подождите, я сейчас вас отведу.

Девушка вытащила из сундука дерюжину, подушку, тонкое одеяльце и все это вручила Саше.

– Идите за мной.

Они вышли из избы, повернули на задний двор, миновали коровник. На отшибе стояли баня и сарай.

Девушка шла первой, Саша – сзади и невольно любовался фигурой Олеси.

Хозяйка распахнула широкую дверь. Одна половина сарая была пуста, в другой находилось сено.

– Здесь и располагайтесь.

– Спасибо, – Саша разостлал на сене дерюжку, бросил на нее подушку и одеяльце.

В сарае одуряющее пахло разнотравьем.

– Как вас звать-то?

– Ой, извините – забыл представиться. Александр, тридцать шесть лет, москвич.

– У-у-у! Старый уже! – рассмеялась девушка.

Александр чуть не поперхнулся. Это он-то в свои трид-

цать шесть – старый?! А с другой стороны – он ведь ее в два раза старше. И вообще – все относительно. Перед самым призывом в армию ему тридцатилетние казались почти дедами.

– Отдыхайте сегодня, Александр, завтра за дровами пойдем.

– Слушаюсь, хозяйка! – Александр шутливо поклонился.

Олеся ушла. Саня же улегся на дерюжку и закинул руки за голову – так легче думалось. Во-первых, надо придумать легенду – кто он и как сюда попал. Во-вторых, что Олеся сказать соседям, если они поинтересуются ее постояльцем?

Если беженец и идет из Бреста, от родни – то почему бы ему не вернуться к ним? Не пойдет. Тогда – версия о разбомбленном поезде. Правдоподобно, по крайней мере – для Олеси. Она пока вопросов не задавала, но спросит обязательно, женщины – народ любопытный.

А вот соседи? Чужой человек в деревне замечен сразу, это не Москва или Питер, где жильцы подъезда не всегда знают соседей. Если сказать, что родственник, то почему живет на сеновале, а не в избе?

Александр перебирал один вариант за другим, пока не остановился на дезертире... Уклонился, мол, от призыва в Красную армию, не хочет служить ни Сталину, ни Гитлеру. Вот и подался к дальней родне в глухомань, от любых властей подальше. Учитывая, что в Западной Белоруссии, не так давно присоединенной к СССР после известного договора

Молотова – Риббентропа, жители еще не очень верили Советам, это могло пройти.

До самого вечера Александр обдумывал свою легенду, поведение и будущую деятельность. Не такой он представлял себе войну – в отрыве от своих, без боевого задания, и самое паршивое – без поддержки и сроков возвращения.

Но и преимущество у него в отличие от пехотинца или танкиста было. Его этому учили! Для рядового любой армии попасть в окружение – стресс, ситуация нештатная, из которой нужно выбираться. А для диверсанта – норма.

Одно уязвимое место, правда, в его плане есть – Богдановка. Спецназ ГРУ – это разведка тактическая, армейская. Забраться в ближний тыл, километров за сто-триста, навредить посильнее и уносить ноги.

Это первое управление КГБ, переросшее затем во Внешнюю разведку, занимавшееся разведкой стратегической с агентами под прикрытием – теми же дипломатами, журналистами, торговыми представителями. И агенты-нелегалы тоже у них – вроде небезызвестной Анны Чапман. Скрупулезная работа, подготовка годами ведется, и работать нелегалу приходится в чужой стране десятилетия, а то и всю жизнь. Изучать страну внедрения надо тщательно, знать все мелочи, на которые в обыденной жизни внимания не обращают, а внимательный взгляд меж тем сразу заметит: ботинки не так зашнурованы, сигарету не так затушил, швейцару чаевых много дал, машину припарковал не как, скажем, француз.

В каждой стране свои особенности. Если итальянец, то почему пасту не любишь? А парень, может, и слово-то это впервые услышал в разведшколе – вырос на картошке. Откуда ему знать, что паста бывает с сыром разных сортов и с прочими приправами? Нет, стратегическая разведка – иной уровень, своего рода высший пилотаж при максимальном самоотречении и самопожертвовании. И построена она фактически на патриотизме, поскольку оплачивается не по результату. Кто припомнит хоть одного разведчика, ставшего олигархом? И славы там не заработаешь. Только единицы из них становятся известными, да и то после громких провалов. Спецназ же – другое: своего рода боевики, кулак, бьющий в уязвимое место врага. Ударил – отошел. В положении же Александра отходить некуда. Родни нет, документов нет. Для немцев он однозначно враг, для своих – неизвестно кто, человек ниоткуда. Ни одну серьезную проверку среди своих в НКВД он не выдержит. Такого лучше в лагерь определить или расстрелять.

Потому по мере размышления его убеждение остаться в немецком тылу только окрепло. Но вот проблема – где развернуть свою деятельность? Ведь даже волк не режет овец вблизи своего логова. Так и ему надо вести боевые действия вдали от Богдановки.

И опять вставала масса вопросов: где хранить оружие, взрывчатку – не на сеновале же? В том, что он быстро обзаведется необходимым, Саша просто не сомневался. Ведь что

такое «спецназ»? Профессиональные убийцы! Точно так же в других странах. Война и разведка с диверсиями не делаются в белых перчатках. Это – тяжелый, грязный, кровавый труд.

Долго вертелся на дерюжке Александр, думы тяжкие в голову лезли. Начать с того, как он здесь оказался. Почему именно он? Или это связано со взрывом в аэропорту? Жив ли Антон или не успел дойти к месту взрыва? Эх, подойди он немного попозже – ну хоть на минуточку, сейчас бы уже сидели с Антоном за столом, в однокомнатной Сашиной квартире, что в проезде Соломенной сторожки, вспоминали молодость.

Все-таки сон сморил. Саша всегда следовал золотому армейскому правилу: солдат спит – служба идет, ведь неизвестно, когда еще удастся поспать вдоволь.

Утром он проснулся от незнакомых звуков, пытаясь понять, что это. Как оказалось – Олеся доила корову, и тугие струи молока били в подойник.

Все-таки Саша до мозга костей горожанин. Научили его в спецназе многому: ходить бесшумно по лесу, маскироваться, сливаясь с местностью, выживать, питаясь съедобными растениями да разными жучками-червячками. Но живую корову он видел только издалека, из окна машины, а как доят – не видел никогда.

Встал быстро, сложил в узел подушку и одеяло. Выскочил во двор, по-быстрому сделал физзарядку, обмылся у колод-

ца. Водичка чистая, вкусная, но ледяная – аж зубы ломит.

Из коровника Олеся вышла с полным подойником молока.

– Доброе утро, Олеся!

– Доброе, Саша! Идите в избу, завтракать пора.

Они поели вчерашней вареной картошки, попили парного молока с домашним караваем.

– Вот что, Олеся. Если в деревне кто спросит про меня, говори – дальний родственник, от призыва в Красную армию скрывался. А теперь – и от немцев. И называй меня на «ты» – родственник все-таки, если ты, конечно, согласна.

– Хорошо. Теперь – в лес. На сеновале веревки на стене висят, возьми.

Саша сходил, снял со стены сеновала связку коротких веревок, поискал глазами топор – не нашел. Странно: идти в лес за дровами – и без топора и пилы. Однако Олеся лучше знает – она местная. Как говорится, в каждой избушке свои погремушки. Его дело – хозяйке с дровами на зиму помочь. Впрочем, печь топится и летом, готовить-то надо на печи... А газа в деревне отродясь не было. К тому же вылазка в лес ему полезна – подходы к деревне запомнить надо, на местности сориентироваться. Карты, даже самой захудалой, ведь нет, и придется все запоминать.

Далеко идти не пришлось, лес был рядом.

Олеся и Саша собирали валежник. Потом они увязали его в две вязанки, причем для себя Саша связал прямо-таки

огромную, едва поднял.

– Смотри не надорвись, беженец, – пошутила Олеся, – лечить я не умею.

Однако Саша отмолчался и продолжал тащить вязанку. «Лучше бы пилу взять, – подумал Саша, – валежник нести неудобно – широкий, цепляется за кусты, а в печи прогорит быстро. Не то – попиленные деревья: и жару больше, и горят дольше. Еще бы тележку для перевозки не мешало. Ага, еще бы грузовичок тебе», – усмехнулся своим мыслям Александр.

Поход в лес занял полдня. Еще часа два Саша рубил валежник, чтобы в печь вошел. Куча дров получилась изрядной.

– Да здесь на неделю хватит! – радостно всплеснула руками девушка, увидев результаты его труда.

Довольный похвалой, Саша оглядел кучу дров и солидно сказал:

– Пилу бы да тачку или тележку какую-нибудь – на зиму дров запастись надо, валежником не натопишь.

– Отец еще угля на зиму брал, да где ж его сейчас возмешь? Война! Мой руки, кушать будем.

Пока Саша рубил валежник, Олеся приготовила драников, выставила на стол розоватое, тонкими ломтиками порезанное сало, малосольные огурчики.

Когда Саша уселся за стол, Олеся обвела глазами угощение и горестно вздохнула:

– Эх, был бы отец дома!

– Не горюй, – отозвался Александр, – вернется еще твой батька.

– Когда-то это еще будет...

– Погоним немца – вернется!

– Боюсь я! Вон, война только началась, а немцы уже куда продвинулись! Вот ты взрослый – объясни мне, почему Красная армия отступает?

– Врасплох они нас застали, – привел ставший потом расхожим аргумент Саша.

Не мог же он, в самом деле, рассказать ей о чистках в армии 37–39-го годов, когда были репрессированы командиры армий, дивизий, полков, а также о том, что на их место встали неопытные, малообразованные партийные выдвиженцы, ничего не понимающие в тактике и тем более в стратегии. И о многих других причинах вроде сталинского приказа «не поддаваться на провокации». В ангарах стояла боевая техника, но горючего и боеприпасов к ней не было. Мало того, военно-служащие не умели с новой техникой обращаться: в баки дизельных танков заливали бензин, коим питались Т-26 и БТ. Таким образом, много техники было выведено из строя.

А укрепрайоны вдоль старой государственной границы? После пакта Молотова – Риббентропа из дотов было снято вооружение, а сами укрепления разрушены. Новые же никто построить не успел, да этим и не особенно заморачивались – ведь существовала сталинская доктрина: врага будем бить на

его территории, победим малой кровью! Дозакидались шапками!

Саша набил рот драниками со сметаной. Ну и вкуснятина! Умеют же белорусы делать из картошки, бульбы по-ихнему, прямо-таки объедение! Прожевав, спросил Олесю:

– Никаких сообщений с фронтов нет?

– Сама бы хотела знать, да радио не работает. А почему врасплах застали? – вернулась она к прерванному разговору. – Ведь товарищ Сталин должен был предвидеть, знать.

– Я же за него тебе ответить не могу, – резонно рассудил Саша. – Да, я после обеда пойду пройдуся по округе.

Олеся покачала головой, осуждая. Какие могут быть прогулки, когда война?

Пообедав, Саша поблагодарил Олесю и, выйдя из избы, не спеша направился из Богдановки на юг. Через полчаса он добавил шагу, а потом и побежал, благо дорога была хоть и грунтовой, но ровной. Бежал ровно, сохраняя дыхание.

Неожиданно для него за деревьями раздался перестук колес. Александр метнулся к ближайшим кустам и, пригибаясь, осторожно двинулся вперед.

Через полсотни метров деревья кончились, и открылась насыпь с железнодорожными путями. На рельсах стояла ручная дрезина, возле нее – два немца, и, судя по тому, что они осматривали рельсы и стрелочный перевод – явно технических специалиста. Один, в очках, похоже, был старшим – на ремне у него висела кобура с пистолетом. У другого, долго-

вязого, за спиной болталась винтовка «Маузер 08К».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.